СВЯЩЕННИК
ПАВЕЛ КАРТАШЕВ

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМИ

О Боге, любви, красоте

Павел Карташев

Разговор с молодыми. О Боге, любви, красоте

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6110791
Разговор с молодыми: о Боге, любви, красоте: Никея; Москва; 2013
ISBN 978-5-91761-190-7

Аннотация

Эти беседы состоялись в некоторых школах и институтах. В их основе – желание помочь молодым людям увидеть себя в мире. Во-первых, увидеть мир: землю, звезды и бесконечность – то есть пространство. И почувствовать время: начало, историю и нынешний день. Во-вторых, увидеть себя, себе подобных. Оценить таланты, глубину и красоту человека – созданного Богом, Им согретого и просвещенного, Им спасаемого от смерти.

Содержание

Дорогой читатель!	4
Знакомство	5
I БЕСЕДА. ИСКАНИЯ БОГА	10
II БЕСЕДА. О БОГЕ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Карташев, священник
Разговор с молодыми: о Боге, любви, красоте

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Знакомство

С чего бы такого начать, чтобы поставить вопрос ребром? Зачем? А чтобы вы сразу, без лишних слов, задумались о серьезных вещах. От которых, между прочим, зависит ваше счастье. Пока ехал под землей, потом шел под небом на встречу с вами, всё перебирал разные варианты и в конце концов решил, что сейчас войду и скажу: «Здравствуйте, я – инопланетянин».

Несмешно? Честное слово, не собираюсь вас смешить. Моя задача иная. Об инопланетянине нисколько не шучу. Действительно им являюсь, но не в том смысле, какой всем известен. Обыкновенно инопланетянами называют пришельцев из далеких миров. А я ниоткуда не прилетал; полчаса провел в метро, потом еще минут десять шагал пешком, и вот – стою здесь.

Мы с вами жители Земли и родились сравнительно недавно. Но священник принадлежит столько же текущему времени – для нас это начало XXI века по Рождестве Христовом, – сколько и другим эпохам, когда наша с вами общая планета и выглядела иначе, и на ее поверхности царила совсем другая жизнь. Вот в этом отношении священнослужители – представители таких ориентиров и ценностей, которые освещают единым смыслом все времена Земли.

Ну а принадлежим мы седой старине, разумеется, не бук-

вально: не помним же мы туманную древность, когда всю планету покрывали воды, плескался от полюса до полюса безбрежный Мировой океан. Читая же об этом в трудах физиков, палеогеографов, палеонтологов – например, о криптозое (дословно: скрытая жизнь) и о последующих эрах, – я лично стараюсь понять значение глобальных трансформаций, то есть того, что Земля в истории своей не раз менялась до неузнаваемости. И не просто понять: эти бывшие перемены принять с верой в их целесообразность.

После океана образовалась суша, обнажились материки, на них появилась растительность. Климат повсюду был равномерным, теплым и влажным. В мировых джунглях обитали большие животные. Позже разразился Всемирный потоп, и современная наука свидетельствует об этом. Археология находит в Священном Предании о Всемирном потопе объяснение своим находкам: обнаруженным отпечаткам морских водорослей в горах, характерным для морского дна ракушкам на плоскогорьях. Тогда, при потопе, вода вновь покрыла Землю, но уже богато цветущую и разнообразно населенную.

Человек на земле существует не только в определенном климате физическом, но и в духовно-нравственном. Римский оратор и политик Цицерон утверждал в I веке до Рождества Христова, что нет народа без религии. Равнодушных или атеистически настроенных племен человечество никогда не знало. И в нашу эру: в поздней Античности и в Средние века, вплоть до наступления так называемого Ново-

го времени, у большинства граждан цивилизованного мира блаженное бессмертие являлось одной из важнейших ценностей бытия. Согласитесь, сознание того, что в конце жизни тебя ожидает экзамен и затем вечность, радостная или, напротив, безутешная, не могло не влиять на общественный климат – на стратегию и тактику политики, экономики, не говоря о содержании философии, богословия, искусства и литературы.

Итак, планета внешне начиналась с океана, но не с простого, а со смешения всех элементов, с текучего – в нашем представлении – состояния первозданной материи. *В начале*, – повествуется в книге, название которой слышали все, а некоторые даже читали, в Библии, – *сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою* (Быт. 1: 1–2). Заканчивается Библия таинственным текстом, его по-современному можно назвать футурологическим. Он открывает невидимое будущее, поэтому его называют Откровением, или Апокалипсисом (*апокалипто* по-гречески – *открывать*). В предпоследней главе Откровения автор этого произведения, Иоанн Богослов, созерцает величественное исполнение цели земной истории. Исполнение это в глазах апостола поэтапно, шаг за шагом, проясняется, перед ним разворачиваются всё более глубокие видения и наконец: …*Увидел я,* – свидетельствует апостол Иоанн, – *новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет* (Откр. 21:

1).

В начале материальной жизни на планете – расплавленность и неопределенность, потенциальность бытия, его форм, одним словом – море. В итоге – торжество всего определенно доброго, надежного. Уже ничто не качается под ногами, не бурлит и не грозит потопом. *Моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый…* (Откр. 21: 1–2). Мысль о цельности и изначальной продуманности жизни пронизывает земную историю. И в наши дни эта великая мысль напоминает о себе.

Где? В науке, свободной от злободневных тенденций. В Церкви. Церковь есть возвещение новой планеты на нынешней Земле, образ будущей жизни, созревающей незаметно. Сегодня меня пригласили к вам, чтобы вы услышали и мысленно представили себе, «что сквозит и тайно светит» под оболочкой времени и материи. Поэтому священника, да и вообще всякого церковного человека, позволительно назвать инопланетянином – посланцем новой Земли, к которой течет история.

И еще заметим: есть мысль о цельности и смысле, а есть почти то же самое, но переживаемое по-другому. То, что предшествует мысли: речь идет о чувстве. Чувство целого, или единства всего живого, подсказывает, что смысл лежит в основании мира, что в мире всё безупречно продумано и отечески любимо. И вот это последнее ощущение не только воодушевляет на труд честных ученых и исполняет надеж-

дой и мужеством самых разных людей, составляющих Церковь, но и присутствует еще знаете где? В душе ребенка.

I БЕСЕДА. ИСКАНИЯ БОГА

О бесконечной Вселенной

Когда я учился во втором классе, мне подарили на день рождения большую книгу о космосе. Она написана была просто, специально для детей, и, главное, в ней были замечательные цветные иллюстрации во весь книжный разворот. Мне еще в школе заранее становилось весело, потому что я знал, что дома в наступающих сумерках я включу абажур, усядусь поглубже в кресло и погружусь в необъятное темно-синее небо с мерцающими звездами. Конечно, не я в него погружался, а ночное небо опускалось на меня и обнимало, уносило ввысь, и я парил в нем без всякого труда, мгновенно преодолевая расстояния в тысячи световых лет. Передо мной, как громадные паутины узоров, расступались близкие и далекие миры, я слушал умом звенящие просторы и представлял, что это сферы, небесные дуги трутся друг о друга и протяжно поют. Я вглядывался в тускло поблескивающие туманности и бродил внимательными глазами по безымянной красно-коричневой планете, бугристая поверхность которой слабо освещалась той звездой, вокруг которой она вращалась.

В книге был еще большой космический корабль с прозрачным бортом во всю длину, чтобы можно было видеть, что у него там внутри. Корабль уносился навстречу неизвестности, и астронавты, собранные в зале управления перед экранами, пристально смотрели в таинственные дали. Они были сосредоточенны, но спокойны, и руки их чутко лежали на разноцветных кнопках и рукоятках пультов. Другие космонавты обедали в кают-компании, играли в шахматы, читали в своих отдельных каютах, а один спал так же безмятежно, как на Земле: голова на пышной подушке, ладони лодочкой под щекой.

Они улетят далеко, сфотографируют и словами опишут новые галактики, опустятся на необитаемые небесные тела и всё расскажут Земле, тем людям, что сопровождают их в полете, по радио. Так бы никто никогда и не узнал о запредельных солнцах, о Млечных Путях, о блуждающих огнях, а так, благодаря космонавтам, все узнают. И Вселенная станет доступней, расширит свои границы, на ее карте появятся новые звездные системы, то есть получится, что мы уже станем жителями бесконечности, в нашем уме мириадами огней отразится огромный мир.

Не такими взрослыми словами я объяснял себе свои созерцания, но приблизительно такие мысли волновали меня. «И вот, – продолжал я думать, – корабль долетит до самого конца, до границы звездных миров: что там откроется космонавтам? Не может же там быть совершенной пустоты!» –

«Почему же не может? – возражал я себе. – А вдруг?» – «Нет, никак не может, потому что, потому что, – я чувствовал, что не может, но не мог подобрать слов, – с тех пор как появился человек, который смотрит вперед и думает, пустоте некуда убежать. Она могла быть, пока ее не заметили, а как только ее разглядел кто-то, значит, она уже не пустая».

Моя маленькая душа увидела себя под бесконечной высотой и над бездонной глубиной: куда ни полети, конца-краю не будет, но всюду распахнется вширь порядок, засияет свет, слух уловит хрустальное пение. А если миры есть везде, даже там, куда никто никогда не долетит и никому о том не расскажет; если они, галактики, звезды, их спутники, там, за пределами всех человеческих взоров, существуют, то зачем они там и для чего такие красивые?

Кто восхитится узорами невиданных галактик? Вот мы, жители чудесной и неповторимой планеты Земля, такие сложные душевно-телесные существа, можем так никогда и не увидеть красоту иных неоткрытых миров, потому что ее навсегда сокроют в себе бесконечные дали. Но мы и вообще очень многого не видим и не знаем. Мы прочитываем за жизнь довольно мало книг: всего несколько сотен в лучшем случае. Из семи миллиардов наших современников мы знакомы с очень узким кругом людей. Мы успеваем освоить всего несколько умений, одну-две профессии. Ну и что? Это совсем не беда. От нас требуется иное: надо стараться понимать то, что нам дано; а понимать – это обнимать мыслью и

душой, вникать сердцем, любить.

Что любить – Вселенную? Ею можно любоваться, изучать ее, но всецело посвятить себя ей, совершить какой-нибудь исследовательский подвиг – для этого нужно что-то личное. Подвиги совершаются ради тех, кого любишь. Именами любимых называют новые звезды. И вот когда одному человеку удается полюбить другого, то есть внести свет своего чистого чувства в еще недавно чужую ему жизнь, тогда в этом своем чувстве он открывает для себя целый мир, по-человечески красивый и теплый, живой: Вселенную обитаемую, наполненную дорогим присутствием.

О том, что все на свете – в единственном экземпляре

В столярный цех при храме принесли однажды часть старинного фортепьяно, уцелевшую от пожара. Инструмент был австрийский, сделан в конце XVIII века в Зальцбурге. Наши столяры рассматривали внутренний угол корпуса, изучали способ соединения двух деревянных полотен и восхищались: скрытая от глаз изнанка инструмента отполирована, покрыта лаком, собрана так, как иной раз и наружная сторона не выглядит. Если бы не пожар – так этот стык и остался бы тайной. Ребята уважительно качали головами, но вообще-то недоумевали: зачем австрийцы так старались?

– Ну и кто бы эту работу увидел? – усмехнулся один паренек.

– Как «кто»? – воскликнул я. – Мастер! Закончив труд, он мог оценить его объективно, сказать: очень хорошо, зер гут.

Настоящий мастер самого себя судит строже всех, потому что тонко разбирается в своем ремесле.

Тайга в Сибири большая, вы знаете. Там не исчезли еще заповедные места, куда не ступала нога человека. И эти нетронутые чащи, не узнавшие твердых подошв скалы, прогалины без кострищ и берега ручьев без жестянок – первозданно красивы. Их кто видел?

А живое и яркое морское дно? Не самые глубины, нет – помельче и поближе, но куда еще не успели добраться туристы. Может быть, там укрывается в безвестности неповторимое сочетание красок и форм – растения, раковины, свет и рыбы складываются в сказочные сады.

Или неоткрытые пещеры с известковыми сталагмитами и сталактитами, выросшими от капающей и сочащейся воды, тяжелыми, как люстры, и изящными, как застывшие струи фонтанов. Они переливаются всеми цветами радуги, когда посветят на них фонарем. Их кто видел?

Это «внутренние углы» мироздания, та его изнанка, до которой еще не добрался пытливый взгляд человека. Без изнанки нет лица, поэтому изнанка – у искусного мастера – должна быть прочной и нисколько не уступать тому, что видно сразу. Если убеждаешься, что «внутри» так же хорошо, как и снаружи, значит – мир не декорация, не халтура, какую выпускают люди в надежде быстро заработать, но в нем все предельно серьезно, добросовестно, на всем лежит печать мысли. Все части целого не просто в согласии, но все

друг другу служат: гряда гор – плодородной долине, защищая ее от северного ветра; доктор – повару, и повар – доктору, а учитель тому и другому, потому что у обоих растут дети. В общем хоре у всякого явления – своя роль.

Поэтому, заметим, нет двух одинаковых деревьев, даже если эти деревья одной породы и растут рядом. Непременно две сестры-сосны будут хоть чем-нибудь различаться. И при этом сосна рождена в определенном климате, в своей родной среде. Она, как писал Лермонтов, произрастает на «севере диком», а «прекрасная пальма… в пустыне далекой». И вместе им, увы, не быть: ни сосне под тропическим солнцем, ни пальме в сыпучих снегах.

Всё на свете единственно. Земля наша тоже единственная в своем роде, у нее в галактике свое незаменимое место, своя точка зрения на космос. И людей, ее населяющих, землян, больше нигде нет. Нет именно людей. А пребывает или отсутствует в мире иная разумная жизнь – это вопрос отдельный. На веру можете принять, что она есть и составляют ее невидимые духовные существа, силы небесные – так называют их.

Жизнь людей является результатом взаимодействия разнообразных условий. Непостижимо многому в бесконечной Вселенной нужно было прийти к сочетанию, чтобы раскрылся, как цветок в саду, человек на Земле. Обладая исключительными возможностями и способностями, мы естественно назначены возделывать и хранить планету, познавать бес-

крайний мир, быть во Вселенной ее мыслящими голосами. Береза ветру не расскажет о том, какое над лесом чистое синее небо. Зато нам свои слова скажут все, и мы постараемся всех понять, потому что призваны соединять всё живое.

У каждого человека в мире – в текущий момент и в истории – уникальные отпечатки пальцев, неповторимая сетчатка глаза, неподражаемый тембр голоса, прикус зубов, разворот ступней при ходьбе, почерк и, наконец, свои родители, любовь, биография. Каждый – личность, то есть существо, одаренное талантом творить свою собственную судьбу.

А не проще было бы поставить на конвейер партию кукол: бледно-розовых, желтых, шоколадного цвета? Каждую выпустить в свет со встроенной программой: не курить, не ругаться гнилыми словами, до брака хранить чистоту – чтобы были здоровыми будущие дети, не поступать жестоко, музыку не включать очень громко – чтобы у соседей не было истерики или приступа стенокардии. Словом, уважать старших и не вредить никому даже неумышленно. Покрыть бы земной шар такими говорящими куклами, киборгами. Вы не желаете быть куклой? Странно. Тогда чего же вы хотите: подраться, своровать и сесть в тюрьму? Тоже нет. Вы скажете, хотим посередине, чтобы не мертвыми, как роботы, и не безумными за компанию. Свободными.

Честно скажу, вы меня немного развеселили! Легко сказать – посередине! Чтобы ходить по канату, надо много тренироваться, и лучше всего с детства или хотя бы с юно-

сти. Видели когда-нибудь детей профессиональных циркачей? Они еще маленькие, а уже участвуют с папой и мамой в номере, да иногда в самом опасном трюке. И так всегда и во всем: нельзя без напряжения стать и остаться личностью, существом свободным и мыслящим. Поэтому человек живет так, как сам выбирает. Только бы действительно выбирать, думать! А то: имей свое мнение, выбери пепси-колу! И не спрашивай: нет ли еще чего-нибудь попить? Не поймут.

Вы, несомненно, догадываетесь, что только свобода выбора придает ценность любому решению. Помнится, в одном молодежном журнале предлагалось сделать выбор между гадостью большой и гадостью поменьше, но и намека не было на то, что всё это вместе – безумие. Выбирать следует не между марками сигарет и формами уродства (производители отрав и ядовитой информации издеваются над нами и зарабатывают на нас деньги), но между «убивать себя» и «не убивать».

То же самое касается духовной и умственной жизни. Перед нами выбор: видеть в мире красоту и печать мысли или ничего такого не замечать? Это очень важно, от этого зависит наша судьба. Замечать – значит взрослеть, становиться мудрым, сильным, всё более свободным. В конце концов, по-настоящему счастливым человеком. Может быть, я вас удивлю, если скажу, что подлинному счастью – это когда совесть чиста, в уме порядок, а в сердце и любовь, и радость о жизни, и благодарность за нее – тоже учат, как родному языку,

алгебре или музыке. И прежде всего этому учат в семье, но и в хорошей школе, то есть в такой, где думают не только о показателях, но и о том, в какую сторону пойдет человек после: направо, налево… Заплутает или выйдет к цели?

Куда направить силы

С чего начинается и чем наполнена человеческая жизнь первые лет пять? Заботой родителей, взрослых. Детей пеленают, моют, лечат, занимаются их питанием в широком смысле. Молоком, смесями и кашами, но и воспитанием. Ведь человек, как вы, должно быть, слышали, есть то, что он ест. И ест он не одним ртом, но и глазами, ушами, всеми чувствами, чтобы напитать ум и сердце. Впитывает окружающий мир, его свет и силу, а потом это благо возвращает: благо дарит. А эгоист – прореха, он немного похож на черную дыру в космосе. Его питали-воспитывали, учили-лечили, а он рад стараться, богатеет в себя. Но это ему только так кажется. Он больше теряет, чем приобретает. Где можно увидеть эгоиста? Я думаю, в зеркале. Если не вылитого, то, по крайней мере, некоторые характерные черты…

Мне иногда с сознанием совершённого подвига рассказывают о том, как было трудно из голых стен квартиры создать прекрасное уютное жилище или на пустом месте возвести дом, разбить сад, проложить аллеи. Спору нет, как славно – облагораживать вокруг себя пространство. Но это так же

естественно, как заботиться о своем здоровье и содержать тело в чистоте. Зубы себе почистил – ждать теперь общественного признания? Или награды за то, что сытно поел? Вот если бы мы в хосписе чистили зубы старикам и инвалидам, и еду отправляли туда, где ее не хватает… Хвалиться вообще некрасиво, но хвалиться тем, как поработал для себя, для своей семьи, – странно.

Быть заботливым, чистоплотным, воспитанным, честным – это всего лишь норма. Не воровать, как вы думаете, хорошо или плохо? Ну правильно! Воровство – преступление! Когда в обществе учредят ордена «За службу Родине без взяток», «За десять лет труда без воровства» или «За многолетнюю верность в супружеской жизни» – это будет означать, что сломалась шкала вечных ценностей: преступление вошло в норму, норма стала «подвигом» (вон уже ордена дают!), ну а подвиг и добродетель, героизм и святость вознеслись на небо, покинули с грустью людей.

Но задуман же был человек как существо, устремленное к лучшему, всё более и более светлое, святое. Вообще людям свойственно мечтать о счастье. По-разному мы себе его представляем, но ищут его почти все. Многие из вас хотят больше и основательнее знать – чтобы приносить пользу. И это не что иное, как врожденная тяга к совершенству. Иначе – внутренняя сила, энергия. От электроэнергии случаются пожары, это правда, но вырабатывается-то она, чтобы светить, возить, лечить, информацию передавать. В целом ясно:

надо помочь человеку выбрать верное направление в жизни – всего-навсего.

Князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844) был талантливым боевым генералом и выдающимся государственным деятелем Российской империи. Александр I назначил его на должность генерал-губернатора Москвы, разоренной и сожженной Наполеоном в 1812 году. Назначение князь получил не сразу после изгнания французов, а спустя восемь лет, в 1820-м, когда страна начала приходить в себя. Голицына император просил восстановить первопрестольную столицу.

В течение двадцати четырех лет управлял Москвой князь Дмитрий Владимирович и приобрел за это время, как пишут историки, «искреннюю нелицемерную любовь москвичей». Он прокладывал проспекты и бульвары, разбивал сады, возводил фонтаны, осушал старые городские болота и чинил канализацию, строил больницы и приюты, открыл итальянскую оперу, поощрял российское купечество, покровительствовал университету, был уважаемым меценатом. В памяти потомков останется его кипучая благотворная деятельность во время эпидемии холеры в 1830 году.

Однажды, покинув тюремную камеру после разговора с заключенными, он обернулся к сопровождавшей его свите и заметил, что счастливцы, находящиеся на свободе, могли бы тоже оказаться за решеткой и только правильное воспитание избавляет от неволи. От несвободы во всех смыслах.

Наверное, мудрому князю вспомнилось сразу многое, когда он сказал о воспитании: прежде всего заботливая и строгая мама, пережившая пять царей. Наталья Петровна Голицына родилась в 1740 году, а преставилась в 1837-м на 97-м году, во время царствования шестого государя императора Николая I. Она пользовалась особым уважением в правящих кругах, как живое олицетворение преемственности времен. Ее сын, один из главных сановников государства, уважал и почитал свою легендарную матушку. Пушкин в «Пиковой даме» изобразил ее в несколько искаженном свете – сочинитель! – а она этого, конечно, не заслуживала. Была требовательна, собранна, временами сурова. Но каких сыновей воспитала! Нынешним и будущим мамам у нас в России есть с кого брать пример. Вспомнились князю, вероятно, годы сосредоточенной учебы дома и в Европе, проведенные бок о бок с ровесником братом, героем Бородинской битвы, как и он сам. Родители вложили свое сердечное тепло в сыновей, а сыновья согрели и утешили тысячи.

Нас помнят и любят и ни с кем не перепутают

Итак, подумаем о своей физической и душевной уникальности. Действительно, второго такого, как я или ты, не существует, каждый человек – единственный, бесконечно драгоценный, его ни с кем нельзя спутать и никогда нельзя забыть: поэтому только к такому, неповторимому, можно прикипеть

сердцем. Когда тебя, маленького, любят мама и папа, бабушки, дедушки, ты без слов усваиваешь, кто ты для них.

Единственность – знак отличия. На ком этот знак стоит, того любят. Но если все – единственные, значит – я это понял давно, думая об убитых солдатах, лежащих на поле битвы, – где-то любят каждого. Когда каждый – неповторим, то это для того, чтобы любой из нас не потерялся в вечности, а сейчас – в космосе. В двух-трех одинаковых вещах запутаться легко. Но дело в том, что на свете нет абсолютно неразличимых вещей, как нет и зеркально похожих людей.

Один близнец, по имени Александр, срочно вылетел за границу с каким-то заданием от фирмы и ничего лучшего не придумал, как послать своего брата Алексея, похожего на него как одна капля воды на другую – только мама их различала, – со своей девушкой в театр, чтобы та не обижалась. Саша опасался, что их дружба может прерваться. А девушка ничего не знала о существовании брата-близнеца.

Даны подробные инструкции, всё отрепетировано: какое мороженое Таня любит и чего она терпеть не может. Брат одет в костюм брата, ведет себя как разведчик, голос у него такой же. И на имя не свое откликается, привык в детском саду и в школе. Одних учителей сколько раз они разыгрывали: Саша учит русский, Леша – алгебру; экономят время. Так привыкли друг друга подменять и не подводить, что оба стали отличниками. После театра идет Таня с двойником своего кавалера по бульвару, а у самой сердце не на месте, необъяс-

нимая тревога в груди. Всё вроде бы как всегда, но чувствует она неладное.

– Послушай, – говорит, – мне кажется, ты какой-то не такой сегодня. Может быть, я тебе больше не нравлюсь? Так и скажи. Расстанемся мирно. Посмотрю на тебя – всё тот же Саша. А душа почему-то незнакомая.

Лешу-близнеца эти слова застали врасплох, и он испуганно воскликнул:

– Да ты что, еще как нравишься! Подожди немножко, я скоро вернусь.

– А где ты сейчас? – осторожно спросила Таня.

– Я? – Алеша отчаянно пытался спасти ситуацию. – Я после всё расскажу.

И вот мальчишкой, читая о Бородинском сражении, потом о битве под Москвой в 41-м году, я рассуждал: если каждый из погибших был один-единственный и такого не было и больше не будет (а он что-нибудь слышал или видел, чего никто не знает и, конечно, детей своих жалел так, как никто не пожалеет), значит, с его гибелью что-то пропало навсегда. Или нет? Где-то же должна быть такая память, в которой всё записано. Не похожий ни на кого для того-то от всех и отличается, чтобы его помнили. Но где и кто?

Когда я впервые, в детстве, подумал о смерти, эта мысль вызвала у меня не столько страх (хотя страшным холодом повеяло на душу), сколько недоумение и глубокое, идущее из сердца, несогласие: как же это, меня, которого так любят

родители и который так рад, что живет на свете, и вдруг не будет? В рассказе «Что я люблю…» Виктора Драгунского отец спрашивает у сына на прогулке в зоопарке: «Ты что скачешь?» А сын отвечает: «Я скачу, что ты мой папа». И папа понимает. Распирают чувства. Потому что радости свойственно переливаться через край – прыгать, кружиться, сочинять стихи.

Живший три тысячи лет назад царь Израиля Давид – военачальник, мыслитель, поэт – любил Бога и всё Божье, то есть всякую святую вещь и драгоценность. Когда торжественно, с восклицаниями и трубными звуками, переносили главную святыню народа, ковчег Завета, в новую столицу Давида – Иерусалим, царь в одном льняном ефоде (длинной рубахе до пят) «скакал из всей силы пред Господом», и плясал, и играл на разных музыкальных орудиях, и раздавал дары. Скачущий сын пред Отцом Богом.

II БЕСЕДА. О БОГЕ

О том, как всё встречается в одной улыбке

Самый обыкновенный человек ежедневно воспринимает очень много впечатлений: узнает новое, вспоминает, мучается, блаженствует – он носит в душе бесконечный мир, и разве возможно этот мир положить в деревянный ящик и закопать в яму? Если в яму, то зачем тогда понадобилось привязывать нас так сильно, так нежно друг ко другу? Столько всего почувствовать и потом навсегда перестать улыбаться и надеяться? Исчезнуть? Нет, этого просто не может быть!

Человек, мы уже говорили об этом, запрограммирован на счастье, он живет с уверенностью, что счастье есть – впереди. Он как будто его потерял и всё время о нем вспоминает: об утраченном блаженстве. Или не он потерял, а далекие предки, а ему осталась смутная память. Когда начинающему жить человеку вдруг скажут, что всё кончается смертью, это сообщение вступит в совершенное противоречие с тем, что он чувствует и понимает о жизни. Ясно, что самое неприятное, ненавистное для здорового человека – смерть. Небытие. А я есть. Мне, маленькому, было так очевидно, так просто понять, что одно никак не согласуется с другим.

И ранняя прохлада в розовом редеющем тумане, когда трава сверкает каплями росы, а воздух разрывается от ликующего щебета птиц… И я сам, способный это помнить… Разве можно допустить, что мир и я в нем промчимся, как прошлогоднее лето, что над моей доверчивостью кто-то зло шутит, объясняя мне, что всё, что мне нравится, не более чем тающая волна? Но нет, представить себе этого никак нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.